

Концерт Алексея Гориболя и Полины Осетинской в Доме музыки

Где рождаются буря и солнце

Илья Овчинников

Зима перевалила за середину, но у наших музыкальных коллективов и учреждений далеко не зимнее настроение. Российский национальный оркестр в самый разгар морозов открыл весенний абонемент, а Дом музыки на Красных холмах выпустил буклет, посвященный второй половине текущего сезона. По-весеннему радужная, игривая и жизне-радостная книжечка не похожа на подобные путеводители: место перечисления заслуг и лауреатских званий здесь заняли восторженные эпитеты. О каком бы исполнителе ни шла речь, оценки колеблются от отличных до превосходных: «техническое мастерство этого музыканта феноменально, а интерпретации утонченны и стильны» — это о Борисе Березовском. «Выступление пианиста и композитора Фазиля Сая станет, несомненно, одним из самых громких событий нынешнего сезона» — буклет излучает уверенность, которой просто невозможно не заразиться.

Сложнее обстоит дело с концертными аннотациями, которые не столько объясняют, сколько запутывают. Программу из сочинений Моцарта и Шостаковича, например, сопровождает загадочный комментарий: «И по большому счету не так сложно переключить свое сознание, образно говоря, с «буквицы» на «латиницу» — погрузиться в логику и ясность моцартовско-

го ощущения мира, а затем войти в резонанс с экспрессионистски напряженным способом передачи мысли, свойственным Шостаковичу». В случае Алексея Гориболя и Полины Осетинской тем более не удалось войти в резонанс с ходом мысли автора, утверждающего: «Фортепианный дуэт — пожалуй, одна из самых редких сегодня разновидностей камерного ансамбля». Ведь музыка для двух фортепиано широко исполняется в мире и в России, и даже такой раритет, как концерт Стравинского для двух роялей, за последние месяцы звучал в Москве дважды. Можно вспомнить сестер Лабек, регулярно выступающую в дуэтах Марту Аргерих или даже постоянный ансамбль Николая Петрова с Александром Гиндиным. И программа Гориболя-Осетинской «XX век для двух фортепиано» напомнила о славной и отнюдь не утерянной традиции.

В первом отделении звучали сочинения Павла Карманова, Франсиса Пуленка и Леонида Десятникова. Минималистская жизнерадостная пьеса Карманова «Ре мажор II» задала тон вечеру: так, птицы, запись пения которых сопровождала музыку, не смогли остановиться даже к началу следующего сочинения. Поздняя соната Пуленка для двух роялей имеет много общего с его же концертом для двух фортепиано с оркестром — красивейшим сочинением подобного рода со времен Моцарта и Мендельсо-

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

на. Тревожное начало обоих произведений определенно указывает на то, что они созданы в XX веке, однако вскоре музыка становится по-французски пасторальной и даже флегматичной. Отголоски французской музыки, деконструированной по меркам девяностых, донесла пьеса Десятникова «В сторону «Лебедя», точкой отсчета для которой стал известнейший опус Сен-Санса. Намеки на популярную мелодию возникали тут и там, однако в относительно узнаваемом виде она прозвучала лишь в финале, уходя в никуда словно под звон колоколов. В техничном исполнении Гориболя-Осетинской пьесе впо-

ру было бы назвать «Похороны «Лебедя».

Второе отделение было отдано сочинению «Переписка» Георгия Пелециса — Владимира Мартынова, появившемуся в результате обмена нотными отрывками по почте. На концерте возникало впечатление, будто музыка рождается «в режиме реального времени» в результате совместной импровизации двух пианистов — настолько артистично они перебрасывались фрагментами, каждый из которых еле заметно развивал предыдущий. Примерно к середине, впрочем, показалось, что замысел «Переписки» все же красивее ее воплощения: ав-

торам слегка изменило чувство меры в очередном фрагменте, ставшем для публики упражнением на выносливость. Зато самые терпеливые были вознаграждены двумя восхитительными бисами: концертное аллегро «Буря и солнце», написанное силами творческо-производственного объединения «Композитор», беззастенчиво ласкало слух, напоминая о массе классических сочинений разом, в первую очередь — о «Тарантелле» Гаврилина. Следом музыканты с самым серьезным видом и под смех зала сыграли ту самую «Тарантеллу», отдав должное первоисточнику и раскрыв секрет фокуса.